

причинам пока неизвестным он вдруг прервал свой перевод в середине «Первого Отделения». Дело не в том, что ему не хватало знания немецкого языка: он прекрасно понимал смысл переводимого текста, но большая часть романа, сотни страниц, так и не была переведена им. Сюжетом романа Василий Федорович, видимо, не интересовался. В переведенных им листах введения условные персонажи Юнга-Штиллинга — сам Теобальд, Ганс, Кольб и многие другие лица — не встречаются. В самом деле случае мы уже давно смогли бы заметить, что рукопись является переводом романа. Внимание Малиновского привлекли прежде всего, во-первых, исторические экскурсы в начале романа и, во-вторых, некоторые нравственно-религиозные рассуждения в последующих частях. Русский просветитель сначала перевел «Предуведомление, которое прочесть непременно должно». В этом отрывке заметно увлечение Юнга-Штиллинга религиозными взглядами отца главного героя и самого Теобальда, похожими на религиозные воззрения отца автора и его собственные.

Важнейший вывод, к которому писатель приводит своего героя по изучении различных религиозных течений и взглядов, помещен на титульном листе первого тома в качестве лозунга: «Средняя мера лучше всего» («Mittelmass die beste Strass») Лучший путь к истинному временному и вечному счастью идет между неверием и мечтательством. «Неверие» и «мечтательство» («Unglaube» und «Schwärmerei») обозначают для Юнга-Штиллинга две крайности. Для Юнга-Штиллинга было естественным предполагать, что он имеет дело с верующими христианами как в случае личного общения, так и при обращении к читательской аудитории. Настоящий «безбожник» в его глазах был чудовищем. Действительно, в конце XVIII века в Германии — и тем более в России — «настоящими атеистами» были очень немногие. Олицетворением «неверия» в романе «Теобальд, или Мечтатели» предстают радикальный немецкий просветитель Иоганн Христиан Эдельманн (1698–1767) и французский деист Вольтер. В действительности же во время своего пребывания в Берлебурге (до 1742 года) Эдельманн пришел к выводу, что Бог вечен, неизменен и неразлучно связан с людьми.²⁹ За критику духовенства Эдельманн был обвинен в «атеизме», хотя был «атеистом» не более, чем деист Вольтер.

В романе «Теобальд, или Мечтатели» представлены самые различные социальные группы: простые верующие крестьяне и ремесленники, ортодоксальные священники всех встречающихся в Германии конфессий, истинные пиеисты и молчаливые, вольнодумствующие дворяне и масоны, бешеные богоборцы и дерзкие шарлатаны. Средний путь между фанатизмом и свержением критическим рационализмом Юнга-Штиллиngu казался самым верным, и он вознамерился написать «Историю мечтателей» XVIII столетия. Историческое вступление, переведенное Малиновским, дает своего рода обзор направлений мысли в Германии с XV по XVIII век.

²⁹ См. Schwelett E. Johann Christian Edelmann—Repräsentant der radikalen Aufklärung // Aufklärung in Berlin / Hrsg. v. W. Forster. Berlin, 1989. S. 303. В 1737 г. Эдельманн как участник создания «Берлебургской библии» перевел первое предложение Евангелия от Иоанна «Am Anfang war die Vernunft» («В начале был Разум, здравый смысл»)